

сем Акрополиту (*Lasc. Ep. P. 67—71*) император рассказывает о сне, во время которого он проникает во дворец царя Солнца Мудрости. Описание дворца царя очень напоминает распространенный мотив рыцарских романов о дворце царя любви, а повествование о пребывании в нем императора вызывает в памяти сюжет анонимного романа «Велтандр и Хрисанца».

Большой популярностью при дворе пользовался «Физиолог», который в течение всего средневековья оставался домашним руководством по естествознанию и даже, по-видимому, входил в круг обучения (*Ibid. P. 126*). В нем рассказывалось о реальных и сказочных животных, растениях, камнях, их свойствах и символическом значении. Вера в чудеса и предопределение являлась неотъемлемой частью мировоззрения даже просвещенного грека. В этом отношении показательна история, рассказанная Феодором в письме Акрополиту, о сказочном звере трагелафе, живущем в Македонии (*Ibid. P. 103—104*). Это многоголовое животное с рогами не только на голове, но и на груди якобы убило архонта Тривидия, любимца Феодора. Он просит Акрополита, находившегося в это время (зимой 1254 г.) в Македонии, узнать подробности и сообщить ему. Ласкарис принял всю историю смерти Тривидия за чистую монету, хотя реальной в ней была лишь насильственная смерть архонта.

При дворе никейских императоров, которые, будучи полководцами, при случае и сами вступали в рукопашный бой или единоборство с противником (особенно Феодор I Ласкарис), высоко ценились физическая сила и ловкость и на их развитие обращалось постоянное внимание. Хотя представление об императоре как полководце в Византии всегда было традиционным, однако военно-политическое положение империи накладывало определенный отпечаток и на этот традиционный образ. В восьмой главе сочинения «Образ царя» Влеммид пишет, что император должен быть не только полководцем, но и примером для своих воинов; для этого он должен постоянно упражняться в езде верхом в полном вооружении, свободно владеть копьём или мечом, чтобы быть сильным и уметь переносить тяготы походной жизни (*PG. T. 142. Col. 668—669*). В среде никейской знати также ценили удаль, ловкость, силу, смелые выступления на поединках, которые по образцу западных турниров получили широкое распространение при Михаиле VIII Палеологе, еще до своего вступления на престол прославившемся как отважный воин (*Acrop. I. P. 137. 1—4*).

В Никее, как и ранее в Константинополе, музыка и пение занимали видное место. Торжественные выходы и приемы императора, пиры всегда сопровождались музыкой и пением целого придворного штата певчих. Но к чрезмерному увлечению музыкой и пением, даже церковным, относились отрицательно, считая их делом женским, не достойным мужчин, особенно в глазах воинственной аристократии. Феодор II, разделявший вначале подобные взгляды, став императором, стал усиленно покровительствовать распространению музыки, которую очень любил. Во время путешествий по Малой Азии музыка, по его выражению, была «единственной отрадой», хотя он часто оставался недоволен ее исполнением (*Lasc. Ep. P. 268*). Однако при дворе не только исполнялась, но и сочинялась музыка. До нас дошло имя одного из таких сочинителей — Георгия (*Ibid. P. 194*). Известно также, что Иоанн III Ватац сам сочинял музыку для церковных песнопений. Одна его мелодия находится в стихираре 1433 г. монастыря Пантократора на Афоне⁵⁶.

Музыкальные произведения исполнялись и скоморохами, игравшими на различных инструментах. Они переходили из города в город и нередко прибывали ко двору. Один из таких случаев описан в письме Феодора II к Музалону (*Ibid. P. 237*). Три скомороха, пришедших ко двору (один из которых изображал носильщика сыра, другой — носильщика вина, третий — дикого зверя), разыгрывали перед зрителями сцены из народной жизни. Своим видом (один был малого роста с красным лицом, другой — высокий и выпачкан сажей), поведением (один изображал глупца, другой — высокомерного человека) и содержанием разыгрываемых сенок они неизменно вызывали смех у публики. Кроме общих выступлений, были и отдельные номера. Так, один из них, старик, хорошо пел в музыкальном сопровождении песни Диониса, изображая из себя Вакха.

Среди развлечений придворной знати верховая езда и охота занимали едва ли не первое место. В Никейской империи, как и на Западе, знатные особы ездили только верхом на лошади: ходить пешком считалось унижительным. Хороший конь ценился очень высоко и стоил дорого. Феодор II, находясь в Албании, посылает в подарок Музалону коня, восхваляя при этом

⁵⁶ Порфирий (Успенский). Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты. М., 1881.